

УДК 81-119

Д.Н. Галимова

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ В ЗЕРКАЛЕ ДИАЛЕКТНОЙ
МЕТАФОРЫ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹**

В статье рассматривается метафорический фрагмент диалектной картины мира, отражающий представление экзистенциальных категорий: жизни, смерти, времени и др. Выявляются характерные для данной картины мира особенности, в частности выражение идеи неконтролируемости жизни. Метафора рассмотрена как явление лингвокультурологическое; приемы когнитивной и структурно-семантической лингвистики сочетаются с методами лингвокультурологической интерпретации.

Ключевые слова: метафора, лингвокультурология, миромоделирование, экзистенциальные категории.

В последнее время среди лингвистических исследований появилось большое количество работ, в которых ставится цель изучить языковые способы отражения картины мира представителей той или иной культуры. Языковая картина мира (ЯКМ) является совокупностью репрезентированных в языковых единицах представлений о мире, его интерпретацией и содержит образ мира, формирующийся с учетом позиций человека и его интересов. Одним из функционально детерминированных вариантов ЯКМ является *диалектная картина мира*, в которой отражены свойственные деревенской культуре традиции, уклад, быт, наивный, эмпирический образ действительности.

Распространенным приемом реконструкции ЯКМ является анализ метафорических единиц: сознание человека антропоцентрично по своей природе, поэтому в метафоре, основанной на законах аналогии, пожалуй, наиболее явно по сравнению с остальными лексическими средствами языка отражается человеческий взгляд на мир, точка зрения человека на мироустройство. Связь метафоры с когнитивными структурами и процессами категоризации мира рассматривается в первую очередь в исследованиях, проводимых в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, чему во многом способствовала разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном *теория концептуальной метафоры* [1]. Выводы, к которым приходят авторы работы, дали основания рассматривать метафору как механизм, объясняющий принципы языкового моделирования действительности.

Метафору как отражение модели мира, существующей в сознании человека, на наш взгляд, следует считать единицей лингвокогнитивной и лингвокультурологической – вербализованным отражением результатов мыслительной деятельности, которые являются культурно детерминированными. Она позволяет понять когнитивные механизмы формирования семантики, проследить способы трансформации физического и чувственного опыта человека, его представлений о мире, оценок, мнений, сформированных в том или ином варианте культуры. Анализ соотношения исходного значения (ИЗ) и ре-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ проект №11-06-90723-моб_ст

зультативного значения (РЗ) метафоры дает основания для построения метафорической модели, отражающей путь присвоения некоторой понятийной области «чужого» номинативного значения, т.е. закономерности метафорического переосмысления некоторой понятийной области (сферы-магнита) в терминах другой области (сферы-источника). Модели, объединяющие несколько вариантов семантических соотношений «номинативное значение → образное, переносное, метафорическое значение», называют *базовыми* [2. С. 19]. Анализ совокупности метафорических моделей (направлений метафорических переносов в них) дает основания для описания культурно обусловленной модели мира, т.е. помогает объяснить, каким видится мир носителю языка и каков он сам в этом мире.

Объектом настоящего исследования являются функционирующие в русских говорах Амурской области метафоры, относящиеся к экзистенциальным категориям.

Метафорическая картина мира, как и ЯКМ в целом, относительно стабильна, в основных своих позициях стандартна для всех носителей языка и мало изменяется в пределах жизни двух-трех поколений (см.: [3]). Идея оформленности, сформированности метафорической картины мира в некоторый момент времени значима для настоящего исследования: поскольку анализируемые записи диалектной речи сделаны в относительно короткий временной промежуток (записи выполнялись в течение 9 лет, с. 2000 по 2008 г.) и большая часть информантов – люди, рожденные в 20–30-е гг. XX в., то можно утверждать, что реконструируемая метафорическая модель мира с большой степенью точности отражает обыденные («наивные») представления целого поколения диалектоносителей, жителей Амурской области.

Метафоры диалектного дискурса свидетельствуют о том, что в русских языковых структурах выражается пассивный взгляд человека на мир. Диалектоноситель склонен интерпретировать свою позицию как объектную по отношению к другим субъектным позициям. Эта особенность, определяемая как *неконтролируемость* – «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента... как контролера событий» [4. С. 33–34], свойственна русской языковой картине мира в целом, что отмечается рядом авторов (см.: [4, 5, 6]). А.А. Зализняк называет эту особенность русской речи одной из важных ее семантических характеристик, «образующих смысловой универсум русского языка» [5. С. 518].

Модели, выявляемые в метафорической системе говоров, подтверждают, что невозможность определять свою судьбу, контролировать происходящие в жизни события является одной из особенностей мировосприятия диалектоносителей. Во многих метафорах диалектного дискурса отражается пассивность как одно из состояний человека. То, что происходит в жизни человека и что составляет его жизнь вообще, может быть представлено метафорически в субъектных, объектных или пространственных образах. Метафоры, построенные по модели «X (абстрактная сущность) – это активный субъект», отражают представления об объектной, зависимой позиции человека, в отноше-

нии которого X совершает какие-либо действия или оставляет ему позицию наблюдателя, перемещаясь независимо от него. Метафоры, реализующие модель «X (абстрактная сущность) – это объект», также подчеркивают пассивную позицию человека, которому была передана, досталась, попала модель X-объекта. Метафоры, входящие в модель «X (абстрактная сущность) – это пространство», представляют человека как субъекта, перемещающегося, чаще – вынужденно, по необходимости, в X-пространстве.

Представления об экзистенциальных категориях – *жизни* (и входящих в нее, столь же значимых для диалектоносителя *судьбе, болезни, времени, социально-исторических явлениях*) и *смерти* – относятся к «зонам актуального внимания» (термин В.Е. Гольдина), что вполне объяснимо по отношению к диалектному дискурсу и к группе информантов, чья речь анализируется в настоящем исследовании. В сфере экзистенциальных понятий наиболее разнообразную и полную метафорическую интерпретацию получает понятие *жизнь*. Это самая большая группа метафорических единиц (22 % от общего количества зафиксированных в данной понятийной сфере).

Моделируя представления о *жизни* как об активном субъекте, говорящий отмечает «способность» *жизни* перемещаться в пространстве мимо человека, статичного по отношению к этому движению (*жизнь подошла; пришла; прошла; проскочила как будто один день*), или оказывать на человека деструктивное воздействие (*жизнь заставит; жизнь надолбёт – всё ценить станешь*). Движение собственной жизни приравнивается к движению времени в целом, и говорящий, метафорически определяя изменения, происходящие с его жизнью, констатирует движение времени (ср. синонимичные конструкции *жизнь прошла* и *время прошло*).

Неконтролируемость жизни со стороны человека передана в метафорах, отражающих характер ее движения. Один из ярких образов жизни-субъекта, от какой-то точки начинающего свое активное, не зависящее от человека движение, – это метафорический образ заполненного куля, катящегося под воздействием некоей силы по прямой поверхности в одном направлении: *Ну, прожила. Улодно, был людям улод и мне был, а было хорошо, и мы, хоть робила день и ночь... И так **жисть** пошла кулём*. Это неровное, прерывистое движение, которое оценивается как отклоняющееся от нормы в отрицательную сторону. РЗ *идти кулём* – ‘о неудачной, полной лишений жизни’. Движение жизни необратимо и независимо от человека; реальное течение времени жизни, его необратимость отражается и в метафоре: жизнь не может остановить свой ход или вновь пройти по выбранному направлению: *Если бы ещё раз **вернулась** жизнь, я бы не прожила её, сколько я ошибок в жизни наделала. Ни одной б ошибки не сделала*.

Поскольку человек выделяет в своей жизни некоторые периоды (детство, юность, молодость, старость) и каждый из них может метафорически интерпретироваться как некий активный субъект, который (независимо от говорящего) приходит в пространство бытования человека, проходит через него и удаляется (*молодость прошла, старость пришла, старость подошла*), то метафорическую модель жизни можно конкретизировать: «жизнь – это множество сменяющих друг друга активных субъектов». В большинстве случаев контекст свидетельствует о том, что подобные действия оцениваются гово-

рящим негативно (как несвоевременные, ограничивающие человека). Наступление старости как последнего жизненного периода может быть расценено как неожиданное для человека событие, что передается глаголом *застать* (*У меня какое детство было, такая старость застала. Одна, вот вы можете представить, дома днём и ночью я одна*). Глагол *застать* называет действие над объектом (человеком), находящимся в каком-либо состоянии (в данном случае – в состоянии одиночества), не предполагающем появления постороннего (субъекта). В РЗ, как и в ИЗ, значимы признак «неожиданно» и отрицательная оценка со стороны объекта действия; названное событие происходит без учета желания человека и не может быть отклонено.

Своеобразным «контролером» в жизни человека выступают его *годы (года)*, которые называют преклонный возраст и в метафорическом высказывании приравниваются к старости и напоминают о приближении смерти: *Дядя Гриша, он войну прошёл фельдшером там, на фронте. И тут он тоже всё время работал. Так и умер – года подошли; Ой, щас только вспоминаешь, как было. Да и мои уже года подошли. Уже и того...* Контекст употребления метафоры *года подошли* (РЗ – ‘о наступившей старости’) свидетельствует о том, что в представлении диалектоносителя возраст человека ограничивает его возможности. При этом многие пожилые люди спокойно говорят о том, что ни в настоящем, ни в будущем у них уже не будет того, что присутствовало в их жизни раньше: *Мне это (плащ) не надо уже, куда я пойду. Я говорю, вон до бани дойду у кухваечке (фуфаечке) тёпленькой, и всё, ничёю уже не надо, дети, уже всё ушло. Уже радости нет...* Говорящий пассивно принимает смену жизненных событий и приближение старости: *Жалко, конечно, жалко. Ничё не поделать, значит, нас уже, ну, годы подошли. Я уже самый старший в Михайловке; А чё делать? Вот как старость-то подойдёт – чё делать?*

Как активный субъект жизнь может оказывать физическое или психологическое негативное воздействие на человека, принуждать поступать каким-либо образом, в результате чего он начинает по-иному воспринимать действительность: *В церкву ходить, молиться я не умею. А так вот... Щас-то, видишь, жизнь заставляет.* Деструктивное воздействие жизненных событий на человека осознается как деструктивное воздействие на предмет, т.е. сама жизнь как действующий в отношении человека субъект может оказывать на него разрушающее воздействие: *Меня жиз(н)ь срубила. Куда мой внук вот первый в Афганистане был, ой-ёй-ёй! Я получила первое письмо, плакала, как не знаю хто!* Антропоморфизм в метафорическом осмыслении жизни отражается и в таких высказываниях, в которых говорится о чувстве обиды, возникающем (или отсутствующем) по отношению к жизни, как по отношению к другому человеку: *Так вот и живу, ну, на жизнь не обижаюсь. Пока здоровье тянет; И вот она живёт, нету у неё зла на жизнь там, на тяжёлую жизнь.*

Моделируя жизнь как объект, диалектоносители судят о ней как о некоем материальном предмете, которым человек наделяется, причем речь идет о действии, «выполненном» не по воле говорящего, а вынужденно: *Нам уже чё, нам уже досталась своя жизнь, как жизнь досталась – ничего, не обижайся, чё теперь.* Акцентируемый метафорой мотив случайности выбора

(признаки «наильно», «не по своей воле», актуализируемые в ИЗ *достаться* ('перейти, поступить в чье-л. распоряжение, в собственность'), обусловлен особым пассивным отношением говорящего к событиям своей жизни.

Жизнь-объект в метафорической интерпретации может создаваться или складываться из некоторых частей; при этом в создании человеком жизни-вещи есть определенное действие, после чего она принимает окончательный, «сделанный» вид (таким действием может выступать создание семьи), и метафора акцентирует невозможность человека изменить «готовый» вариант: *И женили его (отца). И знаете, вот его девушка, в которую он влюбился, а у деда под окном колодец, раньше ж колодцы, колодцы. Вот она, та девушка, придёт за водой, он бросает кушать и глядит. «Хоть наглядеться». А та, Аннушка её звали, што женился, глядит на него, говорит: «Пройдёт». Вот как-то не злились и не ругались, вот щас бы так поругались, верно? «Да щё ты глаза пялишь? Жизнь сделана». А она тогда говорит: «Пройдёт» (делать, ИЗ – 'создавать обычно с помощью инструментов, специальных приспособлений, машин и т. п. различного рода предметы, вещи, изделия; изготовлять, производить'; жизнь сделана, РЗ – 'совершить судьбоносный поступок, принять решение, определяющее последующую жизнь'). Такую же невозможность контролировать процесс создания собственной жизни и менять созданное отражают метафоры, репрезентирующие субъектную модель: *Ну, так одна она и жила вот. Не сложились личная жизнь; Вот у меня такая жись сложились. Вот у меня сестёр мноуо. Три ещё живые.* Несмотря на то, что в создании собственной жизни человек вроде бы принимает непосредственное участие, результат мало зависит от него самого, о чем также свидетельствует глагольный постфикс *-ся (-сь)*, который в одном из грамматических значений встречается у глаголов характеризующе-качественного значения, называющих действие как характерную для субъекта склонность или способность подвергаться какому-либо воздействию [7. С. 618].*

Жизнь может выступать как прямой объект разрушительного действия самого проживающего эту жизнь или действия некоей разрушительной силы: *Всю жизнь прожила – всю жизнь себе поиспортила, всё поиспохабила.* Оба глагола, *испортить* и *испохабить*, называют негативное воздействие (физическое и интеллектуальное) на объект, которое исходит в данном случае от самого человека и изменяет качество жизни. Кардинальные изменения в жизни обозначаются метафорой *перевернуть* (*Этот случай мне всю жизнь перевернул*). В исходном значении актуализируется признак «измененное положение», что, как следствие, меняет установленную для данного объекта норму, т.е. полностью изменяет его. Таким образом, метафорические единицы диалектного дискурса представляют жизнь-норму как нечто единое, цельное, слаженное, но непостоянное, непрочное, качество чего может быть изменено внешним воздействием.

Метафоры, образованные по модели «жизнь – это пространство», представляют человека как активного субъекта, перемещающегося в жизни-пространстве; в основе такой модели лежит представление о жизни как о дороге, по которой движется человек, о жизни как земном пространстве вообще и о жизни как водном пространстве вообще. Человек осознает свою жизнь как линейное движение от начальной точки в определенном направлении

(Сима, он тебя обманет! Он тебе не возьмёт! Той-то не жалко, а тебе надо ещё **жить** идти; Чё я знаю. Да **жизнь** от такую **пройшла**. *Неспокойною*). Оба процесса – *жить* и *идти* – предполагают постоянную активность субъекта, определенную направленность его движения (хотя и не зависящую от субъекта, находящегося в процессе *жить*), смену окружения, ограниченность времени протекания названных процессов, относительную возможность выбора пути, смену состояний субъекта (в первую очередь физических), наконец, замену исходного пункта конечным. Таким образом, для метафорического переноса необходима актуализация в ИЗ *идти* целого комплекса периферийных компонентов.

В анализируемых нами высказываниях жизнь концептуализируется в образе дороги, что отражается в выражении *всю дорогу* (РЗ – ‘всю жизнь, постоянно на протяжении жизни’): – *А нам рассказывали, что в печке лечились. – Ну, кто чем лечился. К примеру, вот у нас свёкор, он всю **дорогу** на печке; – Головные уборы как называли? – Головной убор как? Ну, я обычно в платочке **всю дорогу***. Жизнь как нечто нематериальное, но имеющее временные границы, может быть соотносима с дорогой (ИЗ – ‘полоса земли, служащая для езды и ходьбы’), движение по которой также ограничено временем. Метафорический перенос основывается на актуализации в ИЗ *дорога* периферийных компонентов «ограниченный временем протекания процесса, связанного с объектом», «имеющий границы». То, что происходило до момента речи, относится к пройденной части пути, момент речи соотносится с нахождением в некоей точке пути, соответственно, будущее мыслится как то, к чему говорящий (и идущий) идет или приближается (*К лучшему **не пришли**. А **идём** от того, к чему **пришли!***). Так как жизнь – движение от рождения к смерти, то о тех, кто умер, говорится как об ушедших, исчезнувших из поля зрения, удалившихся за пределы видимости (*Осталась я... вишь, последняя, теперь уже все **ушли**. Сёстры мои все **поуходили**, все поумирали уже. А я вот всё ещё живу*).

Метафорическое моделирование жизни как земного пространства, на котором обитает человек, предполагает проявление его активности, которая поможет обустроить жизнь; это метафорически выражено глаголами активного действия, требующего больших физических затрат со стороны субъекта: *Если хороший муж ещё попадётся, какой попадётся. Ну, если такой вот, можно **увернуться**, но это надо **крутиться** много* (*увернуться*: ИЗ – ‘отклонившись в сторону, избежать кого-, чего-л.’, РЗ – ‘приложив усилия, суметь наладить жизнь, обустроиться’; *крутиться*: ИЗ – ‘совершать круговое движение, вращаться, вертеться’, РЗ – ‘постоянно быть в работе, хлопотах’).

В метафорической системе амурских говоров нами не отмечены метафоры, в которых жизнь непосредственно соотносилась бы с водным пространством, однако некоторые примеры свидетельствуют именно о таком ее восприятии. Так, неправильный, беспорядочный образ жизни интерпретируется как неправильное, неумелое поведение на воде: *А у неё мужик такой, выпьет – дрался, ревновал её. Ну, она села и уехала куда-то туды вот. А он здесь **бултыхается**. Пьёт*. Выделяемые в ИЗ *бултыхаться* (‘с шумом падать, бросаться в воду или во что-л. жидкое’) признаки «неустойчивый», «падающий» мотивируют РЗ *бултыхаться*: неустойчивое положение человека,

проявляющееся в отсутствии постоянного места работы, постоянного занятия, крепкого дома, семьи, является отступлением от нормы, получает отрицательную оценку, что отражается в РЗ метафоры – ‘жить, не имея определенных занятий, постоянно выпивая’. То, что человек перенес в жизни против своей воли, – тяготы, испытания, интерпретируется как вода, которой нечаянно хлебнул человек: *И там жили небогато. Хлеба вдоволь не ела. И сюды приехали, война началась, тоже хорошего хлебнули, работы хлебнули, вот так. Ни обуть, ни одеть* (ИЗ *хлебать* – ‘пить большими глотками’; РЗ *хлебнуть хорошего* – ‘(о чем-л. негативном) получить в избытке’. Если в выражении *хлебнуть работы* говорится именно о продолжительном, превышающем норму и в количественном, и в качественном отношении выполнении именно работы (РЗ – ‘провести длительное время, занимаясь тяжелой работой’), то во фразеологизме *хлебнуть хорошего* дополнение *хорошее* имеет переносное значение ‘тяготы и лишения’. Жизненные события, повседневные дела в сознании диалектоносителя сопоставимы с водой, в которой можно утонуть, не удержавшись на плаву: – (о молодой девушке на фотографии) *Какая она красивая. – Да, а как утонула в жизни, дак...* (РЗ *утонуть в жизни* – ‘погрузиться в жизненные заботы и хлопоты’). Судя по зафиксированным метафорам, нормой жизни как перемещения по водному пространству является спокойное плавание, при котором человек держится на поверхности и постоянно движется в выбранном направлении. Метафор, отражающих такое понимание жизни, в диалектном дискурсе мы не отметили, но в художественном тексте они нередко возникают (см.: [8]).

Разнообразие метафор, характеризующих *жизнь*, естественно, поскольку глагол *жить* и относящиеся к обозначению понятия *жизни* неметафорические глаголы (*наличествовать, продолжаться, совершаться, прожить* и др.) малоинформативны, недостаточны для того, чтобы говорящий мог сообщить о фрагментах, этапах жизни, выделяемых естественным образом по происходящим событиям, или об итогах прожитого; эти глаголы не являются источником ориентиров, так необходимых человеку. Образы, естественным путем взятые из накопленного жизненного опыта, помогают человеку определять себя в действительности, которая его окружает. Все метафорические модели *жизни* отражают разные ее интерпретации диалектоносителями. Оценки, которые дают диалектоносители прожитой жизни, различны, но в большинстве высказываний жизнь воспринимается как данное и не поддающееся изменениям со стороны человека (*Как жись суждена какой быть, и всё*).

Синонимичной понятию *жизни* в высказываниях диалектоносителей оказывается *судьба*, которая также моделируется как активный субъект ([Он] *всегда был с животными один на один, уходил – бутылка кисляка в кармане, кусок хлеба. <...> И вот вся его судьба вот так вот прошла*). Судьба как активный субъект распоряжается человеком, не предоставляя ему возможности выбора (*Меньшим сёстрам помоуала деньуами <...> Мы жили в разных сторонах. Кругом каждая своя, хоть эту ниши или хфильмы составляй, судьба каждого кому как, куда кого забросила; Люди уворят: «Вот, завидно, оны сидят вдвоём на старости». А я уворю, чё завидовать? Шо судьба дала, то и наше*).

В исследуемом материале практически не встречаются высказывания, в которых судьба понимается как «складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств». В основном судьба приравнивается к *жизни* в целом, что подтверждается функционированием данных лексических единиц в однотипных контекстах. Судьба как сила, предопределяющая происходящее в жизни человека, отмечена лишь в одном высказывании, где она выступает как субъект, *встречающийся* на одном из этапов жизненного пути: *Я вот осталась одна, без матери и с судьбой повстречалась рано*. В метафорическом значении используется концептуальная схема, извлекаемая из исходного значения и исходной ситуации. Ситуация, с которой связано прямое значение глагола *повстречаться* (ИЗ – ‘сойтись с кем-л., идя, двигаясь с разных сторон’), подразумевает происходящее во время протекания процесса движения событие, которое способно изменить характер осуществляющегося процесса. Именуемая исходная ситуация предполагает какой-либо результат состоявшейся встречи, положительный либо отрицательный для субъекта. Именно потенциально возможная негативная оценка встречи (как реального события) выступает основанием оценивания метафорической ситуации как нежелательной для человека и мотивирует РЗ метафорического выражения *повстречаться с судьбой* – ‘испытать тяготы и лишения в жизни’. При этом судьба как антропоморфный субъект, встречающийся на одном из этапов жизненного пути, становится частью, элементом этого пути, способным изменить характер жизни.

Как и *жизнь*, *судьба* встречается в метафорах, построенных по объектной модели: *А-а, плохое детство. И судьба такая попалась плохая. Муж фронтовик, умер рано, пийсят шесть, ну чё это?* Акцентируемый метафорами мотив случайности выбора (признаки «насиленно», «не по своей воле», актуализируемые в ИЗ *достаться* (‘Перейти, поступить в чье-л. распоряжение, в собственность’), *попасться* (‘Оказаться против воли в каких-л. условиях, обстоятельствах’), обусловлен особым пассивным отношением говорящего к событиям своей жизни.

На метафорической жизни-дороге может встретиться препятствие, которое, вероятно, окажется роковым для человека и повлечет за собой смерть, но обойти его, изменить ситуацию в представлении говорящего, невозможно. Интерпретация негативных жизненных событий как препятствий в диалектном дискурсе вероятна, хотя именно такая метафора нами не зафиксирована. Допустимость ее существования подтверждается следующим высказыванием: *У нас один военный поуб. Только к телефону, угроза была, к телефону, телефон заработал, он подошёл, так к уху и упал, убило. <...> Уде вот, уоворят, не обойдёшь, не объедешь, уде вот наречено, сколько тебе наречено и... да? Всё. Такое «препятствие» может быть сопоставимо с *судьбой* (в материализованном виде), хотя в данном контексте это слово так и не появляется.*

Идея неконтролируемости происходящего реализуется также через метафоры, относящиеся к категории *времени*: время сопоставимо с проходящим мимо человека активным субъектом, движущимся в одном направлении, что отражает смену суточных и годовых циклов. В субъектной модели времени человеку отводится позиция наблюдателя; разные периоды (годы, сезоны)

приближаются к нему (*тридцать третий год подошёл*) и проходят мимо (*тридцатые года пошли; так пробежит летьычко*). Таким образом, время, как и жизнь, интерпретируется как множество активных субъектов, которые приходят на территорию бытования человека, в его жизненное пространство, или проходят мимо него.

Как активный субъект время *позволяет* или не позволяет человеку совершать какие-либо действия: *Возьми, девочка, там табуретку и присядь. Если у вас время позволяет* (ИЗ *позволять* – ‘давать позволение кому-л. сделать что-л.; разрешать’, РЗ *время позволяет* – ‘о достаточном для выполнения каких-л. действий количестве свободного времени’). Перенос осуществляется на основании признака «возможность» ИЗ глагола *позволять*.

Проживая жизнь, человек невольно становится свидетелем событий исторического характера; такие события влияют на ход жизни и вызывают определенное к ним отношение, поэтому возникает необходимость интерпретировать их, и это осуществляется посредством метафоры. Для наших информантов событиями, повлиявшими на ход их жизни, являются Великая Отечественная война и изменения в постсоветскую эпоху.

Большинство наших информантов – женщины, которые пережили войну в тылу или в оккупации, поэтому описываются ими не сами военные действия, а их последствия или сопровождающие их ситуации. Великая Отечественная война коснулась всех информантов, чьи высказывания анализируются в исследовании. У одних она пришлась на пору детства, другие во время войны уже начинали самостоятельную жизнь; и тех, кто жил на Украине, в Белоруссии или в западных регионах Советского Союза, и тех, кто всю жизнь провел на Дальнем Востоке, война *захватила*. Этот субъектный образ является основным в воспоминаниях информантов. Ситуация, обозначенная глаголом приобретения *захватить* (ИЗ – ‘крепко схватить, зажать (руками, пальцами, механизмом и т.п.)’), включает физическое действие в отношении объекта, в результате которого он оказывается в чьем-либо владении, не волен распоряжаться собой, подчинен кому-либо; в метафорическом контексте человек оказывается «пойманным» войной: *Да многих из нас война-то захватила. Досталось*. Захватывая, война словно настигает человека, признак «пойманный», «остановленный» выступает основанием для метафоры *захватить* (РЗ – ‘застать’). Модель «война – это активный субъект» реализуется в метафорах, сообщающих о деструктивном воздействии на человека (*война напала, война многие жизни перековеркала*), о его ограничении в каких-либо действиях (*война не дала доучиться, война помешала пожить*), о принуждении действовать каким-либо образом (*война заставила траву есть*).

Говоря об общественных изменениях в постсоветскую эпоху, диалектоносители употребляют метафоры, отражающие модель «социальное устройство – это объект». Диалектоносители часто не конкретизируют, чего именно касаются изменения, потому что, в их представлении, переменялось всё – вся жизнь (*Перевернули всё на свете, и совсем жизнь другая стала; После перестройки увсё и стало разваливаться*). Социальное устройство как объект подвергается деструкции, отражающие этот факт метафоры организованы в соответствии с подмоделями «деструктивные социальные процессы – это деструктивные физические процессы», «прекращение социальной активности –

это понижение уровня звука» (*Она распадается вся, деревня; Заглушили жизнь в селе, я так могу сказать*).

Среди абстрактных понятий, требующих метафорического определения, особое место занимает понятие *болезнь*, представленное метафорически в субъектных и объектных образах.

Метафоры, построенные по модели «болезнь – это активный субъект», отражают представления о зависимой позиции человека, в отношении которого болезнь совершает какие-либо активные действия. Метафоры, выраженные глаголами перемещения относительно объекта (человека), сообщают о появлении, распространении и исчезновении болезни (*тиф ходил, болезнь пришла, грипп нашёл (на кого-л.), шишки насакакивают, грыжа ушла*). Называемые глаголами *идти, ходить, приходиться, уйти* исходные ситуации содержат общий для них компонент значения «изменять местоположение», выступающий основанием для метафоризации. Если проявления болезни на коже отсутствуют, диалектоноситель метафорически говорит о болезненном состоянии чаще как о перемещении болезни внутри человека (*Да чё-то я никак не поправлюсь. Болезнь где-то внутри ходит. Всё кашляю*), а о выздоровлении – как о выходе болезни из человека (*До сих пор я ноги парила и ноги вылечила. Кончается, говорю, болезнь, выходит*). Появление болезненных симптомов у человека передается и через глагол *садиться*; образ *садящейся* болезни мотивируется образом сажащегося субъекта, который при этом располагается на некоей поверхности и прекращает движение, замирая в точке пространства: *Здесь вишь таёжное место, здесь <...> больше болезней человеку делается на ноги. Садаются. Здесь место сырое*. Исчезая, болезнь *сходит* (*Вот чистотел <...> вот вот ём помажешься, всё сходит*). Интересно, что говоря о появлении болезни, не имеющей заметных для окружающих проявлений, словно поселяющейся глубоко внутри человека, например о гинекологических заболеваниях, диалектоноситель использует глагол *пристроиться* (ИЗ – ‘поместиться, расположиться где-л., возле кого-, чего-л.’; РЗ – ‘о появлении болезни’): *Заболела она. Операцию ей какую-то делали, что-то по-женски. Всякая болезнь пристроится*. «Действие» болезни, переданное глаголом расположения субъекта в определенном пространстве, таким образом, характеризуется как аккуратное, незаметное для человека. Неожиданное и активное проявление болезни передается глаголом субъектного перемещения *насакакивать* (несов. к *наскокить*, ИЗ – ‘с разбега, с разгона натолкнуться на кого-, что-л.’), в ИЗ которых актуализируются признаки «внезапный», «быстрый», «агрессивный»: *Щас же больше бабы мучаются это, урудямы. То шишки, то ще что-нибудь насакикует* (РЗ *насакакивать* – ‘неожиданно проявляться (о болезни)’).

Во время болезни человек страдает от боли, которая может проявлять себя по-разному – как уколы, как резь, жжение, давящее чувство, следовательно, болезнь *давит, бьет, крутит*, а так как это, в общем-то, сходно с действиями, которые может проявлять по отношению к другому агрессивно настроенный субъект, то проявление болезни метафорически обозначается чаще всего глаголами, называющими в прямом значении физическое отрицательное воздействие на объект: *сыпь напала, грыжа схватила, припадки стали бить, родимец бьет, склероз разбил, малярия трясёт, болезнь замучила*,

тиф валил, давление жмет, водянка мучить и т.п. Болезнь, способная повлечь смертельный исход, физически уничтожающая человека, оказывает деструктивное воздействие на него, результатом чего является уничтожение человека: *Мать умерла и всё. <...> Рак её съел, рак. Всё.* Деструктивное воздействие на объект, обозначенное глаголом *косить*, создает образ болезни, осуществляющей массовое уничтожение людей: *Тиф, так болели, детки, тиф так косил етих.* Уничтожая человека, болезнь *уносит* его с собой, извлекая из жизни-пространства: *А сибирская язва сколько? Три семьи унесла. Это в пиисят третьем году была сибирская язва здесь.* Все перечисленные образы *болезни* сближают ее образ с архетипическим метафорическим образом смерти-старухи с косой. Приведенные глаголы в прямом значении обозначают действия, чаще всего деструктивного характера, совершаемые над каким-либо предметом и предполагающие применение физической силы. Человек как объект воздействия оказывается беспомощен против болезни.

Субъектный метафорический образ возникает и в интерпретации больной части тела как самостоятельного субъекта, выступающего причиной неработоспособности или неподвижности человека (*Вот ноги не ходют. Ой, горе. Ноги-то и подвели-то; Когда вот болеешь, мозги не работают; А щас ручечки не хотят работать*).

Невозможность человека влиять на происходящее в его жизни подчеркивают метафоры, которые отражают метафорическое представление ослабевшего от старости или болезни человека как нежизнеспособный «остаток» растительного организма (*пень, труха, гнилушка, чурка*) или как животное, не умеющее быстро передвигаться (*черепаха*). «Растительные» метафоры организуются по базовой метафорической модели «Человек – это растительный организм»: этапы жизненного пути человека моделируются как этапы вегетативного цикла растительного организма. «Животная» метафора является реализацией другой базовой модели диалектного дискурса – «Человек – это животное».

Незначительное количество метафор создает объектный метафорический образ болезни, подчеркивая пассивную позицию человека, которому попала болезнь. Так интерпретируется возникновение заболевания, передающегося половым путем: *Жена с другим скрутилась. Вот и поймала она сифилис; Она начала там гулять, пить, трепаться, схватила сифилис этот.* Глаголы приобретения *схватить* (ИЗ ‘взять, поймать что-л. быстрым, резким движением (рук, зубов и т. п.)’) и *поймать* (ИЗ ‘схватить, подхватить то, что летит, брошено’) получают метафорическое значение ‘заразиться какой-л. болезнью’. Активная роль отдается человеку, чем подчеркивается его ответственность за происходящее, – один из немногих случаев, когда человек способен контролировать ситуацию.

В метафорических названиях болезненных состояний, таким образом, обычно отражается то воздействие, которое оказывает конкретная болезнь на организм, при этом нематериальное представляется и оценивается в параметрах физического, что позволяет его конкретизировать, сделать наглядным. Наиболее частотный образ болезни – образ агрессивного субъекта – отражает представления диалектоносителя о болезни как о неконтролируемом состоянии, последствия которого в большинстве случаев разрушительны для орга-

низма человека. Большинство метафор не дают эмоциональной оценки тому, что происходит с человеком, скорее, констатируя изменения в его физическом состоянии.

Среди представленных в анализируемом материале абстрактных категорий, получающих метафорическую интерпретацию, немаловажное значение имеет категория *смерти*. Она моделируется как активный субъект, как объект и как некоторое пространство. Как независимый субъект она может прийти (*Смерть пришла, дак она заснула да и не проснулась*), её, как другого человека, можно ждать (*Я люблю работать, люблю хозяйство. Меня рууаять, зачем ты держишь хозяйство <...> А я уоворю, чё буду сидеть, смерти ждать на лавочке, ко(з)да она придёт, ничё не делаемии; Семьдесят лет, мне уже сидеть на печке надо, ждать, а я ковыряюсь и живу этим*). При этом смерть сама решает, когда должна появиться (*Жду-жду этой смерти, она никак не идёт. Тяжело уже мене*), и не дает человеку возможности выбора (*Баба Уля, вы смотрите, чтоб икона ни к каким алкашам, ни к кому не попала. Вы-то помоложе будете. – Да и-и помоложе, смерть не спрашивает*). Смерть как объект могут принести человеку другие люди или забирают с собой, не давая ему умереть (*Она же, бабка, не подымается, уже лежит так это: «А ты уже, Маша, принесла мне смерть?»; У нас которы люди померли, лет по десять и даже по пятнадцать моложе и померли, а я живу. Они мою смерть забрали*). Смерть как пространство возникает в высказываниях об умерших как об ушедших в жругое пространство (*Мноуо ушло из жизни. Наша очередь подходит; Сколько ни живи, а туда надо*). Место, куда уходят умершие, обычно не называют, обозначая его указательными местоимениями: *А я уже старая, я мноуо прожила, и мне уже туда надо собираться, уже ничёю; Умирать усё раўно будем, ўсе умирають, безсмертных нету, дети. Сколько ни живи, а туда надо*. Конечным пунктом жизненного движения диалектоносители называют и кладбище, к которому готовится пойти или постепенно приближается еще живущий человек (*У нас уже в одного каждого на кладбище одна нога, а там ещё нам жениться! На чёрта оно нужно!*). Большинство метафор, отражающих представления о смерти, бытующие в диалектном дискурсе, непосредственно мотивированы реальными «составляющими» этого «фрагмента» жизни человека.

Проанализированные диалектные метафоры подтверждают, что представления о жизни в целом и ее отдельных событиях, времени смерти формируются через конкретные образы, вписанные в реальное пространство, источником которых является реально наблюдаемый и ощущаемый мир. Языковая картина мира, отразившаяся во фрагменте метафорической картины мира, отражает ценностно значимые для диалектоносителя аспекты действительности и во многом обусловлена экстралингвистическими факторами.

Одной из основных жизненных позиций человека является его позиция пассивного принятия жизни. Данная позиция отражается в метафорических моделях, интерпретирующих абстрактные сущности как активных субъектов, оказывающих воздействие на человека либо независимо от него перемещающихся в пространстве (*война заставила, жизнь сгубила, горе убило, жизнь прошла, счастье ушло, болезнь пришла*). Наделяя абстрактные сущности спо-

способностью действовать независимо от человека, говорящий одновременно констатирует невозможность контролировать происходящее в его жизни.

Литература

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–416.
2. *Резанова З.И.* Методологическая интеграция в процессе дискурс-анализа: анализ дискурсивной картины мира // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3. С. 96–105.
3. *Николова А.* Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian.slavica.org/printout113.html> (дата обращения: 02.11.2011).
4. *Вежицкая А.* Русский язык // Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 33–88.
5. *Зализняк А.А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
6. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 362 с.
7. *Русская грамматика* : в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М. : Наука, 1980. 784 с.
8. *Павлович Н.В.* Язык образов : парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.